

СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА БОДРИЙЯРА**

...Под радикализмом теории здесь имеется в виду не ее – так или иначе проявленная – политическая левизна, а способность к критическому пересмотру основополагающих допущений социального мышления, в течение десятилетий казавшихся самоочевидными и незыблемыми, – способность, пожалуй, необходимая для любой социально-теоретической позиции, претендующей на выживание в меняющемся мире. В этой связи привлекательность концепции Бодрийяра состоит для нас именно в том, что он сумел воспринять новые реалии социального мира во всей их «инаковости» привычным схемам социологического мышления и, исходя из этого, радикально поставить под вопрос социально-научную установку как таковую. Бодрийяр проделал исключительно ценный опыт «граничного» мышления, маркируя тем самым границу социальной теории, адекватно реагирующей на «вызов перемен». Далее, если обратиться к работам Бодрийяра приблизительно до начала 80 гг., то в них при всей их фигуративности отчетливо просматриваются контуры достаточно стройной социально-теоретической модели, последовательно разрабатываемой в рамках определенной постановки вопроса. В качестве опорных книг, презентующих ядро концепции Бодрийяра, можно назвать, прежде всего, следующие: «Общество потребления» (1970), «Символический обмен и смерть» (1976) и «В тени молчаливых большинств» (1978)***.

* © Фурс В.Н., 2009

Фурс Владимир Николаевич – профессор Европейского гуманитарного университета, г. Вильнюс

** Мы публикуем лекцию профессора Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс) Владимира Николаевича Фурса, известного специалиста в области современной социальной теории, которую он читал в нашем университете в рамках философских дней в Самаре (27-30 апреля 2009 г.). Эта лекция, как и сами философские дни под общим названием «Практический поворот: философия в университете и за ее пределами», стали последней зарубежной «гастролью» актуального мыслителя, трагически ушедшего на 45-м году жизни. Публикуемый здесь текст – именно лекция, поэтому она носит незавершенный, нечистовой характер. Но тем более в ней чувствуется живая мысль ее автора.

*** Конечно же, каждая из названных книг может и должна восприниматься в окружении других (как правило, хронологически смежных): например, первая – в обрамлении «Системы вещей» (1968), где новый ракурс трактовки потребления получил лишь начальную и приблизительную концептуализацию, и «К критике политической экономии знака» (1972), где мы находим уже весьма основательно развитую теоретическую модель. Книга «Символический обмен и смерть» опирается на «Зеркало производства» (1973), а «В тени молчаливых большинств» «блокируется» с «Забыть Фуко», «О сращивании» (1979) и сборником «Симулякры и симуляция» (1981).

1. Общество потребления

Вокруг нас – фантастическая очевидность потребления и изобилия, образованная умножением товаров и услуг, которая говорит о фундаментальной мутации в экологии человеческого пространства. Мы живем в искусственной среде потребляемых вещей: в их ритме и в соответствии с их непрерывной последовательностью.

Логика потребления – это не логика индивидуального присвоения потребительной стоимости благ и услуг и не логика удовлетворения потребностей, а логика производства социальных означающих и манипуляции ими. Потребление определяется не индивидуальной, а социальной логикой. «Потребности суть не что иное, как наиболее развитая форма рациональной систематизации производительных сил на индивидуальном уровне, где “потребление” принимает *логическую* и необходимую эстафету у производства».

Удовлетворение от потребления представляет собой не действительную рациональную цель, а индивидуальную рационализацию процесса, имеющего другие цели. Потребляя, индивид включается в обобщенную систему социального обмена и производства кодированных ценностей, где все индивиды-потребители взаимно предполагаются.

«Общество потребления – это еще и общество обучения потреблению, социального натаскивания на потребление, т.е. новый и специфический способ *социализации*». Социальное натаскивание на потребление, характерное для настоящего времени, является аналогом и продолжением широкомасштабного натаскивания сельского населения на индустриальный труд. Тот же самый процесс рационализации производительных сил, который в XIX в. происходил в секторе *производства*, в XX в. находит свое завершение в секторе *потребления*. «Производство и Потребление – это один и тот же большой логический процесс расширенного воспроизводства производительных сил и контроля над ними». Еще раз: потребление является *общественным трудом*. Потребитель отбывает повинность и мобилизуется как *труженик также* и в этой области, «трудящийся области потребления», «труженик потребления».

Общество потребления не производит мифов в старом смысле слова, поскольку является своим собственным мифом. «Потребление – это миф», речь общества о себе самом. Потребление является объективной реальностью лишь в том смысле, что *идея* потребления усвоена как повседневным, так и интеллектуальным дискурсом и обрела силу *здорового смысла*. Это – не второстепенное, а самое что ни на есть фундаментальное измерение общественной жизни – измерение мифа.

2. Проект критики политической экономии знака

Потребительная и меновая стоимость у Маркса

Статус потребительной стоимости является у Маркса двусмысленным. С одной стороны, потребительная стоимость, как и меновая, является универсальной характеристикой товара. Но в отличие от меновой стоимости, абстрактной и обобщенной, потребительная стоимость является всегда конкретной и частной, связана с индивидуальным потреблением и конкретным трудом. И у Маркса получается, что «товарный фетишизм» характеризует товар не как единство меновой и потребительной стоимостей, а лишь как носителя меновой стоимости. Потребительная стоимость в этом *ограниченном*

анализе фетишизма выступает не как социальное отношение и поэтому не как область фетишизации: полезность *как таковая* избегает общественно-исторической детерминации: оно обозначает естественное отношение, прозрачность которого трансисторична. В этом проявляется марксистский идеализм и именно в этом пункте нужно быть более радикальным критиком политической экономии, чем сам Маркс: потребительная стоимость, сама *полезность, есть фетишизированное социальное отношение.*

Маркс утверждает, что в противоположность меновым стоимостям потребительные стоимости несоизмеримы. Однако следует обратить внимание на следующее:

1) для того чтобы экономический обмен вообще имел место, необходимо, чтобы принцип полезности стал принципом реальности объекта (продукта труда). Для того чтобы быть обмениваемыми в самом общем и абстрактном плане, продукты труда должны мыслиться в терминах полезности. Сведение свойств вещи к полезности является основанием обмениваемости;

2) вопреки утверждению Маркса о «несоизмеримости» потребительных стоимостей, логика эквивалентности уже в полной мере присутствует в полезности. Потребительная стоимость, не являясь количественной в арифметическом смысле, тем не менее является эквивалентом: в качестве полезных вещей все блага являются сопоставимыми между собой в своей абстрактной определенности;

3) итак, речь идет об объектной форме, общим эквивалентом которой является полезность. Мы констатируем не просто аналогию с меновой стоимостью, но ту же логическую форму. Любой объект переводим в абстрактный универсальный код полезности, и при этом совершенно неважно, как конкретно он используется и чему служит. Именно здесь – начало экономики, экономической калькуляции, по отношению к которой меновая стоимость является лишь дальнейшим развитием;

4) следовательно, потребительная стоимость (полезность), вопреки антропологической иллюзии, представляющей ее как простое отношение «потребности» человека к некоторому полезному свойству вещи, также является *социальным* отношением. Точно так же, как в аспекте меновой стоимости человек-производитель выступает не как творец, а как абстрактная общественная рабочая сила, так и в системе потребительной стоимости человек-«потребитель» никогда не предстает как желание или наслаждение, но как абстрактная общественная потребительная сила (способность потребления).

Потребление не есть уничтожение («конкретной» потребительной стоимости), но труд по расширенному воспроизводству потребительной стоимости как абстракции, как общественной системы, как универсального кода полезности.

Таким образом, Бодрийяр предлагает осуществить *радикализацию Марксовой критики политической экономии.*

1. Отправным пунктом для Бодрийяра послужила следующая задача: осуществить анализ потребления в качестве новой всеобъемлющей общественной практики; соответственно, основанием для пересмотра Марксовой версии критики политической экономии стала ее недостаточная радикальность. Трактую форму потребительной стоимости как досоциальную и трансистори-

ческую, Маркс, как показывает Бодрийяр, оказался пленником и невольным апологетом той самой системы политической экономии, критику которой он хотел осуществить. Таким образом, несущим основанием и действительным содержанием Марксовой революционности является оппортунизм.

2. *Радикализация Марксовой критики политической экономии осуществляется Бодрийяром как ее обобщение*: тот же самый процесс редуктивной абстракции, который сводит многообразие конкретного труда к абстрактному общественному труду (субстанции меновой стоимости), является общественным механизмом формирования и потребительной стоимости. Потребительная стоимость определяется той же общественной логикой эквивалентности, что и меновая стоимость. Как мы увидим впоследствии, это означает, что *обобщенная критика открывает более фундаментальное измерение системы политической экономии, чем область экономических процессов в привычном смысле слова* (т.е. производства, распределения, обмена и потребления материальных благ).

3. На пути к «критике политической экономии знака»:

концептуальные инновации

Обобщение Марксовой системы «концептуальных уравнений» понимается Бодрийяром по существу как историзация мнимых постоянных: система потребительной стоимости, имевшая у Маркса трансисторический характер, представляется как социально-историческая переменная. Именно благодаря этому становится возможным распространить социальную логику абстрактной эквивалентности, характеризующую меновую стоимость, также и на потребительную стоимость и тем самым теоретически реконструировать странную реальность «общества-мифа». Ясно, однако, что претензия на открытие более фундаментального измерения системы политической экономии предполагает изготовление нового концептуального инструментария.

3.1. Бодрийяр как «Марксюр»: феномен «знаковой стоимости»

Первым шагом Бодрийяра в создании оригинального понятийного аппарата обобщенной критики политической экономии явилась разработка понятия «знаковой стоимости». Для осмысления знаковой формы предметов потребления Бодрийяр совершает оригинальный ход — предпринимает попытку «сшить» воедино Марксову политическую экономию с сосюрсовской семиологией.

Специфика знаковой стоимости определяется уравнением: меновая стоимость / потребительная стоимость (+ потребности) = означающее / означаемое (+ референт) (знак — единство означающего и означаемого, материальной формы знака и понятия, которое с ним связано). Это уравнение устанавливает корреляцию между двумя типами феноменов, обычно связываемых лишь внешним образом: товаром и знаком. Потребительные стоимости и потребности суть не более чем эффекты меновой стоимости; означаемое и референт — не более чем эффекты означающего. Лишь в игре меновой стоимости и означающего потребительная стоимость и означаемое получают залог своей реальности, при этом именно их мнимые естественность и конкретность служат сокрытию игры абстрактной системы. У товара и знака единая стратегическая логика: второй термин (потребительная стоимость, означаемое) является спутником и алиби для первого (меновая стоимость, означающего).

Обратим внимание на характер сочленения двух понятийных аппаратов Бодрийяром: речь не идет о простом дополнении Марксова анализа товара

выявлением доселе неизвестных характеристик последнего, что стало возможным благодаря концептуальным ресурсам сосюровской семиологии. И уж тем более, речь не идет о переопределении критики политической экономии на началах семиологии. Позиция «Марксюра» позволяет Бодрийяру ясно сформулировать исследовательскую проблему: выявить специфическую материю, специфическую предметность *по ту сторону различения товара и знака, экономики и культуры*. Если избавиться от привычки рубрицировать все явления по дифференцированным общественным подсистемам, указывает Бодрийяр, то нельзя не заметить: все, что сегодня производится и обменивается, не является в строгом смысле ни знаком, ни товаром, но неразделимо обоими, *причем оба упразднены в качестве специфических определений*. «Сегодня потребление ... определяет именно *ту стадию, на которой товар непосредственно производится как знак, как знаковая стоимость, а знаки (культура) — как товар*».

Мельчайшим элементом, «клеточкой» искомой обобщенной политической экономии является нечто более фундаментальное, чем товар и чем знак — «товар-знак».

3.2. Понятие воспроизводительного труда

Понятие знаковой стоимости позволяет определить своеобразие поля общей политической экономии, но еще оставляет открытым вопрос о природе «товара-знака»: ясно лишь, что этот кентавр находится «по ту сторону» различия между экономическим производством и культурным означиванием. Для того чтобы увидеть точку схождения экономики и культуры, Бодрийяр привлекает дополнительные концептуальные ресурсы — использует идеи Бенямина о коренном изменении характера произведения искусства «в век его технической воспроизводимости».

Хотя произведения искусства в принципе всегда были воспроизводимыми, их механическое воспроизводство, отмечает Бенямин, представляет собой нечто существенно новое. Даже в самой совершенной копии отсутствует то, что отличает оригинал: его неповторимое присутствие. Именно на «здесь и теперь» оригинала зиждется понятие подлинности произведения искусства. Но если в условиях ручного воспроизводства подлинность еще сохраняла свой авторитет, то в системе механического воспроизводства само понятие подлинности обесмысливается. Произведение искусства утрачивает «ауру» — те свойства уникальности и экстраординарности, которыми издревле наделялись продукты художественного производства и которые первоначально связывались с ритуалом, а затем с творчеством. Социальным коррелятом технической воспроизводимости произведения искусства является все возрастающее значение масс в общественной жизни, становящихся активными потребителями художественных ценностей. Исчезновение «ауры» в социальном плане означает, что художественное производство порывает с обособлением искусства и становится составным элементом массовых социальных процессов.

Беньминовская идея воспроизводительности оказывается счастливой подсказкой для Бодрийяра, стремящегося покончить со сведением системы политической экономии к сфере экономики: эта идея воспроизводительности позволяет лишить продукт труда экономической «ауры». Если «аура» произведения искусства объяснялась «творчеством», то экономическая «аура» продукта труда (стоимость) — производительным трудом.

Ныне же на смену производительности приходит воспроизводительность.

Незначительная, на первый взгляд, перестановка акцентов позволяет понимать трудовую деятельность совершенно иначе. Прежде труд обеспечивал реальность общественного производства, он был пронизан целенаправленностью. Даже подвергаясь эксплуатации, он производил общественное богатство. Более того, представляя как историческое страдание, своей оборотной стороной он обещал конечное освобождение. Теперь это не так: перестав быть производительным, труд стал воспроизводительным. Он воспроизводит сам себя в качестве общественного знака: пафос производства умер, тем важнее воспроизводить труд как службу на благо общества, как общественный принцип реальности. На деле труд уже не является воплощением исторического «праксиса», порождающего общественные отношения, он больше не *сила*, а *общественный знак* наряду с другими: «Трудом овладела знаковая форма, чтобы выпотрошить из него всякое историческое значение и поглотить его в процессе своего собственного воспроизводства...» [1, р. 24].

От труженика требуется не создавать, а социализироваться – включаться в сеть общественных знаков, значимых только как взаимно соотнесенные элементы, и воспроизводить ее своей энергией. Система воспроизводительного труда работает в режиме постоянной мобилизации: люди должны быть повсюду приставлены к делу. В итоге воспроизводительный труд заполняет всю человеческую жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься.

Благодаря понятию воспроизводительного труда упраздняется не только надуманное различие производительного и непроизводительного труда, но и выделение труда среди других видов общественной деятельности: труда в узкоэкономическом смысле слова больше нет, поэтому-то и можно сказать, что труд – повсюду. Даже досуг является формой воспроизводительного труда в той мере, в какой он регламентирован общественным кодом.

Таким образом, именно потому, что сфера экономики утрачивает свою специфичность (свою «ауру» производительности), все и всякие общественные процессы можно описывать в терминах расширенной политической экономии – в терминах тотальности воспроизводительного труда.

Подсказка Бенямина помогает Бодрийяру ответить на вопрос о природе объекта-кентавра: товар-знак создается воспроизводительным трудом. Воспроизводительный труд находится по ту сторону различения экономики и культуры: он не локализован в сфере экономики, а образует всю общественную материю; создает не просто стоимости, а вещи, являющиеся общественными знаками. С другой стороны, он никоим образом не исчерпывается практикой означивания, поскольку его продукты суть предметы общественно регламентированного потребления в самом широком смысле.

3.3. «Господство капитала» как моделирование реальности

Если капитал представляет собой режим господства над трудом, то, как полагает Бодрийяр, вполне можно говорить, что мы по-прежнему живем при капитализме. Уникальность этой новой капиталистической формы состоит, прежде всего, в том, что капитал не имеет здесь конкретного социального воплощения: его господство осуществляется без опоры на какой-либо общественный класс и без видимого насилия. В эпоху воспроизводительного тру-

да «язык» капитала очищен от промышленных, финансовых, классовых «диалектов», на которых он говорил в производственную эпоху. В рамках наличной общественной системы капитал воспроизводится в своем самом строгом определении – как *форма общественных отношений*, а не вульгарно представляемый в виде денег, прибыли или экономической системы [1, р. 49].

В эпоху воспроизводительного труда все виды деятельности утратили конкретные целевые установки, которые их характеризовали. Радикализируя семиологию соссюрковского типа в «постструктуралистском» духе, Бодрийяр трактует эту утрату как исключение референциального измерения, благодаря которому структурное измерение обретает полную автономию. Не остается больше никаких «референций» материального производства, политики, культурных значений; все общественные знаки «обмениваются» друг на друга, но не обмениваются уже ни на что реальное.

Ясно, что *под «референциями», которые утрачиваются при действии «структурного закона значимости», имеются в виду специфические целевые установки, определявшие различные сферы общественной жизни и обеспечивающие их общественную реальность.* «Референты» – это «ставки» (власть, богатство, знание и т.п.), определяющие телеологическую/целевую структуру тех или иных видов общественной деятельности и задающие их энергетику. Однако даже с учетом этого уточнения остается открытым принципиальный вопрос: в каком смысле исчезают референции? Ведь структурный закон значимости открывается лишь проницательному взгляду критика системы политической экономии знака; для «наивных действующих лиц», подвластных этой системе, исчезнувшие референции сохраняют всю свою практическую реальность. Каков же механизм образования этой «объективной видимости», общественная власть которой является новой модальностью господства капитала?

Бодрийяр отвечает на этот вопрос посредством радикализации формулы Маршалла Маклюэна «*medium is message*» (средство есть сообщение), импликации которой, по его мнению, еще далеко не исчерпываются интерпретацией самого Маклюэна. Непосредственно в ней утверждается, что содержание сообщения определяется характеристиками средства сообщения. Но еще важнее то, что за этой нейтрализацией всех содержаний осуществляется работа медиума, трансформирующая реальность. Опосредованный/медиатизированный характер реальности, заявленной в сообщении, превращает ее в «как бы реальность»: она воспринимается в качестве реальности не на основании собственного опыта индивидуума, а просто в силу факта потребления им сообщения.

Таким образом, *последовательно продуманная формула Маклюэна говорит не только о неразличимости средства и содержания сообщения, но и о слиянии медиума и реальности в неопределенной туманности, где само выделение медиума и прослеживание его работы уже невозможно.* Иными словами, формула «средство есть сообщение» означает не только конец сообщения, но и конец медиума как посредника со служебной функцией. Больше нет медиума в буквальном смысле слова, поскольку он рассеян и преломлен в реальности, и нельзя говорить даже о том, что медиум искажает реальность. Мы имеем дело с медиатизированной реальностью, реальностью-средством, являющейся операциональной по своему существу.

Медиум, раскрытый в своей активной роли, подобен информационным моделям, находящимся в довольно свободном отношении к вещественному миру и позволяющим «экспериментировать» с реальностью, и, соответственно, обозначается Бодрийяром как «модель»: «Только *модель*, действие которой является *непосредственным*, порождает сразу сообщение, медиум и «реальное»» [2, р. 126]. Причем функционирование моделей включает не только порождение *реального*, но и представление его в качестве обладающего самостоятельным существованием – как *реальности*. Благодаря этому самовластие моделей скрывается в тени служебности: модель предстает как средство отображения реальности и передачи смысла.

Таким образом, *фазу «воспроизводительного труда» характеризует установление совершенного режима господства: здесь уже нет нужды в силовых воздействиях – для полного подчинения достаточно операционализации «чувства реальности».*

4. Виртуальное измерение социальной реальности: симуляция и символический обмен

Ряд нововведений – концепты «знаковой стоимости», «воспроизводительного труда» и «медиатизации реальности» – позволяют Бодрийяру наполнить идею обобщенной критики политической экономии конкретным теоретическим содержанием, центральным элементом которого становится понятие симуляции. Симуляция представляется как новый тип абстракции: это уже не абстракция от некоторого референциального бытия, некоторой субстанции. В этом смысле понятие симуляции противопоставляется привычному понятию репрезентации: с точки зрения последнего симуляция предстает как ложная репрезентация, тогда как, если исходить из первого, делается явным симулятивный характер всякой репрезентации. Можно сказать, что второе понятие «снимается» первым: репрезентация оказывается рабочим элементом механизма симуляции. Для разъяснения этого тезиса Бодрийяр выстраивает следующую последовательность фаз развития образа: 1) образ является отражением некоей фундаментальной реальности; 2) образ маскирует и искажает фундаментальную реальность; 3) образ маскирует *отсутствие* фундаментальной реальности; 4) образ вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности: является симулякром. Решающий поворот знаменуется переходом от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего-то и нет: если первые еще отсылают к понятию истины (в горизонте которой остается и теория идеологии), то вторые, собственно, и возвещают эру симулякров и симуляции. «Дело идет уже не о ложной репрезентации реальности (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное больше не является реальным» [2, р. 26].

Замена реального образами реального означает, что реальное операционально: оно производится и может неограниченно воспроизводиться. Таким образом, симуляция – это порождение посредством моделей реального «без происхождения и реальности». Симуляция характеризуется *прецессией моделей* относительно мельчайшего факта, поскольку именно их циркуляция образует действительное магнитное поле события. «Реальные» факты более не обладают собственной траекторией, они рождаются в пересечении моделей.

Собственно говоря, реальное как синтетический продукт комбинаторных моделей – это уже и не реальное в строгом смысле, поскольку его больше не

сопровождает никакое воображаемое. Это гиперреальное: «Гиперреальность представляет собой гораздо более высокую стадию, поскольку здесь стерто даже само противоречие реального и воображаемого. Нереальность здесь — уже не нереальность сновидения и фантазма, чего-то до- или сверхреального; это нереальность *невероятного сходства реальности с самой собой*» [1, р. 112]. Ведь коль скоро реальное и воображаемое сливаются в одно операциональное целое, то все вещи наделяются своеобразным эстетическим очарованием. Гиперреальное обязано им уже не художественному замыслу создателя и не эстетической дистанции восприятия, а своей искусственностью: это реальность, как бы возведенная в степень, передержанная в свете моделей. Искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности, слившейся со своим образом, заключена искусственность [1, р. 117].

Можно сказать, что концепция симуляции раскрывает виртуальный характер реальности, имея в виду ближайшим образом несубстанциальный характер последней: она сводится по существу к «эффекту реальности», производимому образами реального. Идея «виртуальной реальности» на слуху, прежде всего, в связи с развитием информационных технологий. И, несомненно, есть все основания воспринимать концепцию симуляции именно в данном контексте, рассматривая Бодрийяра как авангардного high-tech-мыслителя [3, р. 18]. Вместе с тем *симуляционизм — это социально-теоретическая позиция, достигнутая Бодрийяром в горизонте исходной постановки вопроса о странной реальности общества потребления как «общества-мифа» путем разработки обобщенной критики политической экономики*. Этот путь проходил от раскрытия социальной конституции потребления к понятию знаковой стоимости, а уже анализ специфической общественной логики знаковых стоимостей напрямую вел к концепции симуляции, собственно, и дающей ответ на исходный вопрос: *общество потребления — это гиперреальное общество*.

Понятие реальности, используемое в концепции симуляции, может трактоваться предельно широко, и все же его основное содержание является у Бодрийяра социально-теоретическим. «Принцип реальности», сменяемый в современном обществе «принципом симуляции», имеет у Бодрийяра два основных воплощения. Первое — это «референции» тех или иных видов деятельности, их специфические целевые установки, «ставки», определяющие их общественную реальность (в этом смысле можно говорить о реальности труда, богатства, власти, знания и т.п.). Второе — это индивидуальное потребление: прагматическое отношение рационального индивидуума к полезным вещам (потребительным стоимостям). И принцип симуляции утверждает смоделированный характер «реальности» в обоих ее воплощениях.

Вместе с тем *симуляция — не единственный и не первичный модус виртуальности у Бодрийяра. Разоблачение симуляции служит защите (или обретению заново) не реального, а символического, концепция которого и является действительным завершением обобщенной критики политической экономики*. Как указывает Бодрийяр, эта критическая теория ориентирована на три основные задачи. Во-первых, она распространяет Марксову критику системы меновой стоимости также и на *потребительную стоимость*, что позволяет избавиться от идеалистической антропологии и делает возможной действительно радикальную критику капиталистической общественной системы. Во-вторых, она распрос-

траняет критику экономической системы на *системы знаков*, что приводит к основополагающему уравнению, устанавливающему связь между экономикой и культурой: меновая стоимость относится к потребительной так же, как означающее к означаемому. Наконец, в-третьих, она предполагает построение теории *символического обмена*.

Идею символического обмена Бодрийяр разрабатывает, опираясь на концепцию дара Марселя Мосса и радикализируя ее. В до-модерных обществах, указывает Мосс, дарение является ключевым элементом социальной жизнедеятельности и в плане своей специфической «логики» находится по ту сторону экономики утилитаризма. Прежде всего, дар представляет собой «целостный социальный факт», который наряду с собственно экономическим аспектом включает также политический, религиозный, военный и т.п., причем уже само выделение этих аспектов дара является искусственным: на деле они неразличимо сплавлены. Основная «странность», нуждающаяся в объяснении, состоит в том, что дарение, «по определению» являясь добровольным и бескорыстным, имеет вместе с тем принудительный характер. Эта специфическая логика дарения наиболее явно заметна на примере празднеств, устраиваемых вождями племени, и отличающегося подчеркнутой расточительностью хозяина, доходящей до уничтожения накопленных богатств перед лицом приглашенных. Дарение здесь пронизано духом соперничества и антагонизма и организуется тремя основными обязанностями: давать, получать и возмещать. Вождь должен устраивать празднество, чтобы поддержать свой ранг в племени и среди других вождей: он может утвердить свое величие, лишь унижая других, дарениями помещая их ниже себя. Обязанность принимать носит столь же принудительный характер; отказаться от дара — значит обнаружить боязнь оказаться «уничтоженным», не ответив на подарок. Наконец, императивный характер носит обязанность достойно возмещать полученный дар: если не отдаривают в ответ или не разрушают эквивалентные ценности, то «теряют лицо».

Источник специфической принудительности цикла дарений усматривается Моссом в экстраутилитарном характере дара: в самих даримых вещах имеется свойство, заставляющее дары циркулировать, поскольку вещь не инертна, а обладает «душой». Даже оставленная дарителем, она сохраняет в себе нечто от его личности, и через нее он получает власть над получателем дара, если последний не соблюдает обязанность подаренное возмещать. Таким образом, циркуляция вещей на деле оказывается циркуляцией прав и личностей.

Тем самым становится понятным, что мотив безудержного расточительства отнюдь не является бескорыстным: именно путем цикла дарений между вождями и подчиненными внутри племени и между вождями разных племен устанавливается и поддерживается социальная иерархия. «Давать — значит продемонстрировать свое превосходство, значит быть больше, выше; получать, не возвращая или не возвращая больше, — значит подчиняться, становиться клиентом и слугой, становиться меньше и ниже. Специфическая корысть дарения состоит в том, чтобы превратить других в своих должников и тем самым достигнуть более высокого статуса: «прибылью» расточения является «честь», приобретаемая дарящим.

Опираясь на концепцию Мосса, Бодрийяр радикализирует ее, отделяя практику дарения от функции воспроизводства социального порядка в архаических обществах. Целью антагонистического дарения является уже не обретение или подтверждение социального статуса, а само состязание. *Дарение, додуманное до символического обмена, – это рискованная игра «на интерес», дающая опыт суверенного существования.* Дар – это вызов, на который нельзя не ответить, но никакой ответ не приводит игру к окончанию: он обращается новым вызовом, и циклическое движение символических обменов не имеет завершения. Поскольку все что угодно может быть ставкой в этой игре («разыграно»), все прочные реальности, все ценности приходят в состояние неопределенности, опасной двусмысленности. *Форма символического обмена – это форма жертвенного истребления, воплощающего обратимость жизни и смерти.*

Хотя Бодрийяр и говорит об «обществах, основанных на символическом обмене», эмпирической точности в этом образе не больше, чем в Марксовом «первобытном коммунизме», типологическим аналогом которого он, собственно говоря, и является. Это образ не-овеществленной социальности. Символический обмен – это форма, противопоставляемая как экономическому обмену эпохи господства «принципа реальности», так и циркуляции знаковых стоимостей эпохи симуляции. Даримой вещи нельзя приписать ни потребительную стоимость, ни меновую экономическую, но лишь «символическую меновую стоимость». С того момента, когда обмен перестает быть всецело переходным, предмет символического обмена обретает автономию и вырождается в предмет потребления и товар.

Благодаря концепции символического обмена симуляция предстает не только как «превосхождение» классической системы политической экономии, основанной на реальности производства, но и как вырождение («овеществление/реификация») символического обмена. «Эффект реальности» представляет собой лишь структурный эффект разобщения двух элементов: объективность природы, противостоящая человеческой субъективности, возникает лишь в результате разделения человека и природы, материальность тела – в результате разделения тела и духа. Символическое как раз лишено этой разделительности, восходящей к разделению жизни и смерти.

5. Последнее слово теории: катастрофа

Разработка идей медийной симуляции и символического обмена завершает построение критики общей политической экономии. Соответственно, Бодрийяр наконец-то получает понятийный аппарат для адекватной концептуализации общества потребления как «общества-мифа», парадоксальные характеристики которого не вписываются в категориальные схемы «нормальной» социологии. Социальные науки основываются на мнимой самоочевидности понятия «социального отношения», на непроблематическом допущении существования социального. При раскрытии виртуального измерения можно увидеть социальную реальность динамически: концепции символического и симуляционного позволяют сформулировать три взаимосвязанных положения относительно существования социального.

Первый тезис: *«В своей сущности социальное никогда не существовало»* [4, р. 74]. Действительной сущностью социального является символическое: социальные отношения с их функциональной интеграцией суть продукты распада симво-

лического обмена. Будучи производным от символического, социальное, коль скоро забывается его производность, уже имеет симуляционный характер; поэтому говорить о социальном как о какой-то самостоятельной реальности означает «гипостазировать симулякр».

Второй тезис: «Социальное очень даже существует, причем оно существует все в большей мере [4, р. 76]. Представляя собой продукт редукции символического, социальное вполне реально именно в этом смысле; причем «социальные отношения» поступательно развиваются именно по мере символической дезинтеграции. Само понятие социального исходно связывается с попечением над теми, кто не интегрирован: обозначаемые как остатки общества, они тем самым подпадают под его юрисдикцию и их судьба состоит в том, чтобы найти свое место в нормальной социальности. Именно с опорой на этот остаток снова и снова запускается социальная машина и находит в нем опору для своего все нового расширения. Функциональные общественные институты берут на себя заботу над отбросами символической дезинтеграции, и символическая интеграция поступательно заменяется интеграцией функциональной. Функциональные общественные институты строятся на развалинах прежних символических формаций и тем самым производят социальное во все возрастающем объеме.

И третье положение: «Социальное существовало в полной мере, но оно больше не существует» [4, р. 86]. На протяжении двух последних столетий неиссякаемыми источниками энергии социального были де-территориализация и централизация, находившие выражение во все большем единообразии инстанций социального. Эта унификация осуществлялась в централизованном пространстве перспективы, которое придавало смысл всем оказавшимся в нем элементам, ориентируя их на схождение в бесконечном. Можно сказать, что социальность современных обществ существовала именно в этой всеохватывающей перспективе. Но когда в результате поступательного расширения «остаток» наконец достиг масштаба общества в целом, социальное обрело полноту: все символически дезинтегрированы и функционально социализированы. Но поскольку социальное вообще обладает реальностью только в перспективном пространстве расширения, достигая полноты, оно умирает в симуляции. Таким образом, социальное не представляет собой самостоятельной реальности: оно обладает лишь условным существованием в небольшом промежутке между символическими формациями и нашим «обществом потребления», где радикально изменяется топология «перспективного пространства социального».

Но, став всепоглощающим, сохраняется ли социальное как таковое? Нет, указывает Бодрийяр, эта новая форма социального свидетельствует о его конце. У социального больше не оказывается имени: став всеобъемлющим, оно обращается в анонимные массы. Массы – не новая социологическая реальность; неопределенность является их основным определением. Массы не являются потенциальностью, которая когда-то разрешится в действии, они суть всемогущество инерции, сила поглощения и нейтрализации, превосходящая все силы, на массы воздействующие.

Общество как политическое тело это обращение социального в массу затрагивает самым прямым и непосредственным образом. Что же теперь может выражаться в политическом, если у самых фундаментальных политических

знаков — «народ», «класс», «пролетариат» — не оказывается действительного общественного референта? Ведь сами по себе массы представляют собой лишь мнимый референт политического: на любой запрос или призыв они реагируют молчанием или же отвечают тавтологическим образом. Молчаливое большинство в принципе не может иметь какой-либо репрезентации: замкнувшись в своем молчании, массы не позволяют никому выступать от их имени и, сворачивая политическое пространство представления, знаменуют коллапс власти.

Устоялось мнение, будто власть всемогуща в манипулировании массами, а массы парализованы ее воздействием. И то и другое лишь видимость: власть ничем не управляет, а массы вовсе не приведены к молчанию искусственно: безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика. Предельная пассивность масс является их совершенным оружием против власти: так массы ускользают от любой мобилизации. Гиперконформизм масс на деле представляет собой гениальную изворотливость в нежелании разделять те высокие цели, к достижению которых их призывают: массы принимают все, никогда ни в чем не участвуя и все превращая в зрелище. Таким образом, массы, молчаливое большинство — это бездна, разверзшаяся перед властью и бесследно поглощающая всю ее энергию. Социальная субстанция власти после своей беспрестанной экспансии на протяжении нескольких столетий «схлопывается» (коллапсирует), превращаясь в своего рода черную дыру, и соответственно «схлопывается» политическое пространство. Всякое горение осталось в прошлом, сохраняется лишь фикция политического универсума — после апогея политики власть превращается в свой собственный симулякр.

Причем эта катастрофа власти является также и катастрофой революции, потому что эта импловивная масса уже по своему определению никогда не взорвется и лишь бесследно поглотит любой революционный призыв. Так что любая революционная надежда, любое упование на социальные изменения так и останутся лишь надеждой и упованием. Радикальная критика еще продолжает грезить о грядущей революции, но явно сослепу: она не видит революции уже свершившейся — только не взрывной (активной и отрицающей), а импловивной (основанной на инерции и сверхпозитивной).

Прежде бесконечно открытый горизонт роста и расширения, бывший горизонтом реального, замыкается на самом себе, поскольку пройден полный цикл эволюции. Импловия выступает последним эпизодом истории системы контролируемого расширения, господствовавшей на Западе на протяжении последних нескольких столетий. Модерные цивилизации строились под знаком универсализации рынка, экономических и интеллектуальных ценностей, универсальности закона и завоеваний. Существование за счет регулируемого постепенного высвобождения энергии было их «золотым веком». Но когда этот эволюционный процесс насытил поле возможного расширения, он тем самым пришел к своему завершению, и импловия начала опустошать универсум реального. Импловия — эта катастрофа реального — неизбежна, и тщетны все усилия по спасению систем экспансии, существующих в соответствии с принципами реальности, накопления и универсальности: «Все вещи обретают завершение в своей симуляции, и это знак того, что цикл завершен» [5, р. 69].

6. «После коллапса»

Итак, поставленная цель достигнута: специфическая призрачность «общества потребления» схвачена и объяснена в собственном языке социальной теории Бодрийяра: это общество тотальной симуляции, воцаряющейся вследствие замыкания перспективного пространства социального на самом себе. Такое пространство было пространством роста и экспансии «политического тела», выделившегося в виртуальной среде символического обмена; коллапс политического тела явился закономерной заключительной фазой его эволюции. Как видим, констатация «имплозии политического тела» является итоговой формулой, резюмирующей развитое теоретическое содержание.

Предыдущее изложение показывает, что путь к этому итогу был очень непростым; Бодрийяру пришлось пройти целый ряд последовательных шагов.

1. Первичная формулировка проблемы еще в «несобственном» теоретическом языке: в качестве ключевого элемента «общества, являющегося своим собственным мифом», выделяется феномен потребления, обобщенный до тотальности повседневной практики, и на варварской смеси из элементов марксизма, психоанализа и семиологии ставится цель раскрытия *бессознательной* логики общественного процесса потребления, имеющего *знаковый* характер.

2. Обращение к Марксовой критике политической экономии на основе аналогии в постановке вопроса (общественный процесс *производства* и общественный процесс *потребления*) позволяет избавиться от первоначального эклектизма и прочертить связную перспективу теоретического поиска: *анализ потребления как общественного труда под властью капитала; обобщение критики политической экономии здесь еще понимается как простое расширение предметной области Марксового прообраза*: анализ потребления как нового политического поля следует за Марксовым анализом производства и дополняет его.

3. Коренной разрыв с теоретическими схемами Маркса во имя действительно последовательной критики политической экономии: натурализация потребительной стоимости оборачивается у Маркса апологией системы общественного господства, лишь скрытой и усиленной его революционностью; некоторые фундаментальные Марксовы постоянные на деле оказываются социально-историческими переменными; соответственно, *обобщение критики политической экономии предполагает концептуализацию более «первичного» измерения общественной жизни, нежели материальное производство*.

4. Решение этой задачи направляется «концептуальными уравнениями» «классической» критики политической экономии, т.е. формулами Маркса, из которых вычищено то их содержание, которое обусловлено принятием мнимых постоянных¹: эти «уравнения» направляют усвоение и переработку дополнительно привлекаемого теоретического материала (прежде всего, идей Соссюра, Бенямина и Маклюэна); в результате вырабатываются понятия

¹ Прежде всего, это следующие «уравнения» (в редакции Бодрийяра): «капитал означает режим общественного господства над трудом», «фетишизм есть вещная видимость общественных определений продукта труда, превращающая его в чувственно-сверхчувственную вещь», «идеология есть социально обусловленная редукция содержания в форме».

«товара-знака» («знаковой меновой стоимости»), «воспроизводительного труда» и «медиатизации реального», позволяющие концептуализировать искомое «первичное» измерение общественной жизни.

5. Это измерение первично не по аналогии с экономическим базисом, а в смысле своего виртуального характера: *виртуальность первична относительно любой общественной подсистемы, включая экономическое производство*; «уравнения» критики политической экономии подсказывают Бодрийяру два образа виртуальности: субреальный символический обмен и гиперреальная медийная симуляция².

6. Концептуализация виртуального измерения позволяет Бодрийяру раскрыть *динамическую природу социальной реальности как таковой*: любой общественный феномен (и общество в целом) обладает реальностью лишь в перспективном пространстве (роста и расширения), и катастрофическое обращение этой эволюционной перспективы трансформирует все общественные реальности в симулякры³.

Вот это-то *выявление «переменного перспективизма социального», осуществленное Бодрийяром на основе экземплярного анализа имплозии/катастрофы социального, и является, на наш взгляд, его главным социально-теоретическим достижением*. Социальные феномены обладают вполне реальным существованием, но лишь поскольку они подчинены своеобразной «имманентной телеологии», которая, как выясняется, представляет собой переменную величину. Восприятие общественной жизнедеятельности в эволюционной перспективе (перехода от «общности» к «обществу», от механической к органической солидарности, от отношений личной зависимости людей к отношениям вещной зависимости и т.п.) было «наивной предпосылкой» модерной социологии. Радикальная социальная теория Бодрийяра учит: телеология/динамическая перспектива общественной эволюции, вопреки видимой «естественности», — лишь одна из возможных перспектив.

Урок очень ценный, да вот незадача: преисполненные благодарности к учителю, мы обнаруживаем, что благодарить-то некого, потому что «момент истины» теории Бодрийяра есть вместе с тем и момент ее собственной аннигиляции. Слово об имплозии является последним словом теории не только в смысле достигнутой завершенности — оно оказывается ее суицидальным актом. В самом деле, последовательно *обобщенная критика* политической экономии оказывается не критикой *общей политической экономии* — она вообще перестает быть *критикой*. Это и понятно: с одной стороны, власть

² Говоря несколько упрощенно, концепция симуляции является обобщенной моделью общественной фетишизации вещей: действительные «чары» заключаются в их гиперреальном характере; а концепция идеологии обобщается до редукции символического к знаковому: «Эта семиологическая редукция символического составляет собственное содержание идеологического процесса» [6, р. 109].

³ Точнее, в симулякры «третьего порядка» — одна из излюбленных типологий Бодрийяра, выражающая его признательность Беньямину: к видам технической воспроизводимости, выделенным последним (ручной и механической), Бодрийяр добавляет воспроизводимость посредством моделей. Воспринимать эту квазиисторическую типологию за чистую монету столь же разумно, как и искать в истории «общества, основанные на символическом обмене».

(предмет критики) в контексте имплозии «имеется в наличии лишь для того, чтобы скрыть, что она больше не существует». Система общественного господства сколлапсировала, и критиковать стало нечего; более того власть может обретать хоть какую-то степень реальности, лишь питаясь дурной энергией критиков, мнящих ее реальной. С другой стороны, имплозия означает также и исчезновение чего-либо запредельного относительно наличного общества, соответственно, исчезает сама возможность обретения критической дистанции относительно наличного положения дел: таким образом, исчезает и субъект критики.

Уточним: самоликвидируется не только модель критики «общественного господства», но и форма социальной науки вообще: сама социология, указывает Бодрийяр, существует лишь благодаря безоговорочному допущению социального и в состоянии только следовать за его экспансией. Однако принцип действия специфической силы инертного, воплощенной в «молчаливом большинстве», совершенно инороден принципу действия всех схем производства и расширения, лежащих в основе нашего воображения. Поэтому констатация смерти социального означает также и констатацию собственной смерти социальной науки. Научное производство в целом, как и всякое другое производство, становится симулятивным: оно утрачивает референциальную опору и начинает крутиться вхолостую; теории осмыслены лишь постольку, поскольку без конца соотносятся друг с другом.

...*Сообщение*, которое несет нам «*медиум Бодрийяр*», в предельно сжатой форме таково: «анализ разрешения общественной эволюции в имплозию раскрывает переменный перспективизм социального в «онтологическом» и «эпистемологическом» планах». Или в виде ключевых тезисов: 1) социальное («социальные отношения», «социальная жизнь» и т.п.) обладает реальностью лишь в определенном перспективном пространстве, а социально-научная установка образуется перспективным связыванием реального и воображаемого; 2) подобная перспектива («имманентная телеология»), вопреки своей мнимой «естественности» (вневременности и самоочевидности), случайна и детерминирована: имеются как точка ее возникновения, так и точка кардинального изменения ее организации; 3) подобная трансформация, современниками которой мы являемся, — имплозия — означает «катастрофу» как самой социальной реальности, так и социальной теории.

Библиографический список

1. Baudrillard J. L'échange symbolique et la mort. Paris: Gallimard, 1976.
2. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.
3. Kellner D. Introduction: Jean Baudrillard in the Fin-de-Millennium // Baudrillard: A Critical Reader / Ed. by Douglas Kellner. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1994.
4. Baudrillard J. A l'ombre des majorités silencieuses, ou le fin du social. Paris: Denoël. Gonthier, 1982.
5. Baudrillard J. Oublier Foucault. Paris: Galilée, 1977.
6. Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. Paris, 1982.